

Культурно-историческая психология как теория субъективности в работах Ф. Гонсалеса Рея

Н.П. Бусыгина

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

С.В. Ярошевская

Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ ПИ РАО),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1906-3725>, e-mail: yaroshevskaya@yandex.ru

Теория субъективности бразильского психолога Ф. Гонсалеса Рея рассматривается в контексте исследований субъективности в критической психологии, основанной на переосмыслении понятия субъекта в работах М. Фуко, Л. Альтюссера и др. Понимаемая как результат социального производства, субъективность в критических концепциях предстала сверхсоциализированной и к тому же сведенной к дискурсивным конструкциям. Авторы показывают, что разрабатываемая в рамках культурно-исторической психологии теория субъективности Ф. Гонсалеса Рея дает возможность справиться с тупиками социального редукционизма критических подходов, не возвращаясь при этом к преодоленному классическому пониманию субъекта. Развивая представления Л.С. Выготского о смысле, единстве аффекта и интеллекта, анализе по единицам и др., Ф. Гонсалес Рей предлагает новую онтологию психологической науки, позволяющую преодолеть фрагментированный подход к исследованию отдельных психических функций, процессов, состояний и т. д., а также переосмыслить отношения индивидуального и социального. В статье обсуждается значимость для культурно-исторической психологии качественной эпистемологии и конструктивно-интерпретативной методологии.

Ключевые слова: субъективность, смысл, субъект, культурно-историческая психология, критическая психология, Л.С. Выготский, Ф. Гонсалес Рей, качественная методология.

Для цитаты: Бусыгина Н.П., Ярошевская С.В. Культурно-историческая психология как теория субъективности в работах Ф. Гонсалеса Рея // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 68–77. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160107>

Cultural-Historical Psychology as a Theory of Subjectivity in the Works of F. González Rey

N.P. Busygina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

S.V. Yaroshevskaya

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1906-3725>, e-mail: yaroshevskaya@yandex.ru

Theory of subjectivity developed by Brazilian psychologist F. González Rey is considered as a result of rethinking some of Vygotsky's ideas in the context of modern critical psychology based on the works of M. Foucault, L. Althusser, feminist and postcolonial theories etc. In critical psychology subjectivity is conceptualized as produced by the forces of social regulation, so it appears oversocialized and reduced to discursive constructions. It is argued that the theory of subjectivity in the framework of cultural-historical psychology developed by F. González Rey makes it possible to overcome social reductionism of critical approaches without falling into the pre-critical concept of subject. On the base of Vygotsky's ideas about the unity of affect and intellect,

sense and *perezhivanie* as psychic units, González Rey developed a new ontology of psychological science that allows to overcome the dominant representation of 'psyche as a container' of cognitive processes, emotions, personal traits etc. and to rethink the relationship between individual and social. In the light of theory of subjectivity, the importance of qualitative methodology for cultural-historical psychology is discussed.

Keywords: subjectivity, sense, subject, cultural-historical psychology, critical psychology, L.S. Vygotsky, F. González Rey, qualitative methodology.

For citation: Busygina N.P., Yaroshevskaya S.V. Cultural-Historical Psychology as a Theory of Subjectivity in the Works of F. Gonzalez Rey. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 68–77. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160107>

Работы известного бразильского психолога кубинского происхождения Фернандо Гонсалеса Рея (Fernando González Rey) мы открыли для себя в поле не культурно-исторической — как можно было бы ожидать, — а критической психологии. Организованный нами научный семинар по проблемам междисциплинарных исследований субъективности оказался практически полностью сосредоточен на критической психологии, поскольку именно в этом гетерогенном направлении, вдохновленном идеями социальной критики, неомарксизмом, концепцией власти М. Фуко и психоанализом, субъективность (англ. *subjectivity*) заняла место основного предмета исследований¹. На наш взгляд, теория субъективности Ф. Гонсалеса Рея стала ответом на те тупики концептуализации субъективности, с которыми столкнулись критические подходы (речь идет, прежде всего, о тупике социального редукционизма).

В текстах критических психологов [30; 32; 33] присутствуют ссылки на работы Л.С. Выготского, однако в целом для концептуализации субъективности в рамках этого направления культурно-историческая психология никогда не играла главную роль. У Л.С. Выготского сторонники критической психологии заимствуют, прежде всего, идею индивидуального как преобразованного социального, поскольку именно она отвечает их интенции — критическому пересмотру свойственного мейнстриму западной психологии фокуса на изолированном индивиде. Что касается Ф. Гонсалеса Рея, то свою концепцию субъективности он выстраивает, основываясь именно на культурно-исторической психологии, преимущественно на идеях Л.С. Выготского и той линии их интерпретации, которая не стала доминирующей ни в западной, ни в советской психологии и которую сам Ф. Гонсалес Рей противопоставляет подходу А.Н. Леонтьева, ссылаясь, прежде всего, на работы Л.И. Божович [16]. В творчестве Выготского он выделяет несколько этапов — в зависимости от преобладающего акцента теоретических разработок — и сам обращается к Выготскому первого — раннего этапа (периода «Психологии искусства») и третьего — позднего этапа (периода последних работ, в которых, в том числе, по-новому разрабатывается

тема переживания). Именно в эти периоды, согласно Гонсалесу Рею, у Выготского была намечена, но не доведена до конца теория субъективности.

Ф. Гонсалес Рей долгое время жил и работал в Москве, где написал и защитил две диссертации. Теория субъективности была предложена им уже в послемосковский период — как мы полагаем, под влиянием не только работ позднесоветских авторов (В.Э. Чудновского и др.), но и западных критических исследований, в которых, начиная с 1980-х гг., наблюдался сдвиг с проблематики личности к проблематике субъективности. Можно думать, что понятие субъективности шире понятия личности и не определяется той коннотацией индивидуального психического субъекта, ответственного за совершаемые действия и выборы, которая свойственна понятию личности.

По мнению Ф. Гонсалеса Рея, существует тип чтения, осуществляя который, можно двигаться вместе с автором дальше самого автора, или даже, может быть, за его пределы (*to move with Vygotsky beyond Vygotsky*) [19]. Ф. Гонсалес Рей намечает очень интересную перспективу разработки теории субъективности, в которой культурно-историческая психология теснейшим образом переплетается с критической психологией. В данной статье мы анализируем несколько наиболее важных, на наш взгляд, идей Ф. Гонсалеса Рея. Во-первых, мы показываем, как, обрисовывая тему субъективности, Гонсалес Рей предлагает новую онтологию психологической науки, развивающую идею Выготского о единицах анализа и позволяющую преодолеть фрагментированный подход к исследованию отдельных психических функций, процессов, состояний и т. д. Во-вторых, мы артикулируем важнейшее положение Гонсалеса Рея о необходимости разработки теории в единстве ее онтологического, эпистемологического и методологического аспектов. Согласно Гонсалесу Рею, в советской психологии, несмотря на всю эвристичность ее теоретических воззрений на предмет психологии, не было предложено релевантной этим представлениям исследовательской методологии. Гонсалес Рей обосновывает необходимость обращения культурно-исторической психологии к качественной исследова-

¹ В журнале «Subjectivity» публикуются преимущественно статьи социокритической направленности. Сайт журнала: <https://www.palgrave.com/gp/journal/41286>

тельской эпистемологии и методологии и показывает, какой вклад вносит сама культурно-историческая психология в ее развитие. Однако прежде чем мы перейдем непосредственно к анализу идей Ф. Гонсалеса Рея, мы кратко остановимся на том, как появляется в психологии тема субъективности, откуда, как нам представляется, она заимствуется Гонсалесом Реем, прежде чем наполняется новым — весьма нетривиальным — смыслом.

Субъективность как предмет критических исследований

Термин *subjectivity* стал достаточно распространенным в социальных и гуманитарных науках во второй половине XX в. Оба возможных его перевода — *субъектность* и *субъективность* — соответствуют тому, как он употребляется в исследованиях, близких критической психологии. Мы остановились на переводе *субъективность*, прежде всего, в силу того, что *субъектность* в русскоязычном пространстве весьма популярный и занятый термин. Обозначает он, как правило, качество, отсылающее к способности быть субъектом, причем субъект понимается как активный агент — и даже «творец своей истории» [2], источник автономного действия и речи, способный к самодетерминации, свободному выбору и т. п. [11; 13]. Соответственно, *субъектность* выступает мерой самостоятельности и инициативы (в разных областях) и отсылает к деятельно-преобразующему способу бытия человека.

За англоязычным термином *subjectivity*, употребляемым в большинстве критических исследований, как правило, стоит другое понимание субъекта, пришедшее из работ М. Фуко, Л. Альтюссера, критического дискурс-анализа, постколониальной и феминистской теории [30; 32]. Субъект здесь понимается как производимый социальными практиками, например, в процессе идеологической вербовки — интерпелляции (Л. Альтюссер), как результат исторически формирующихся сил социальной регуляции (М. Фуко), как позиция, задаваемая дискурсами, которую и занимает конкретный индивид (в вариантах критического или фукодианского дискурс-анализа) [5]. В упоминаемых концепциях индивид становится субъектом только потому, что есть «другой Субъект»,

или, как точно подмечает В.А. Подорога относительно мыслительной линии М. Фуко, стать субъектом означает быть отмеченным Субъектом-властью, т. е. принять не только правила языка, но и правила подчинения, «... получить имя, время, место, память, способ поведения посредством другого субъекта, отражением или эхом которого только и можно быть» [14, с. 227]. Субъект в подобного рода концепциях сам становится частью производства социального, а не выступает как предзаданная сущность, и автономный классический субъект — тоже результат такого производства.

Итак, занятость термина *субъектность* смыслом, отсылающим к нерелевантному критическим подходам классическому пониманию субъекта, заставило нас обратить внимание на другой термин — *субъективность*. Он применяется в основном в эпистемологическом ключе — как противоположность *объективности*: в этом контексте *субъективное* значит искаженное субъективными мнениями, представлениями, верованиями, *не объективное*. Как предмет исследования, *субъективность* в русскоязычной психологии практически не появляется², но присутствует в русскоязычных текстах, посвященных, например, постколониальной и феминистской теориям.

Известный представитель критической психологии В. Уокердайн (V. Walkerdine) определяет субъективность как «статус (состояние, condition) и опыт (experience) бытия субъектом, включая процесс производства субъектов посредством субъективации (subjectification) или субъекции (subjection)» [34, p. 1880]. Согласно В. Уокердайн, психологическая разработка темы субъективности тесно связана с дискуссиями, развернувшимися в европейской социальной теории в 1960—70-е гг.

Знаковой работой, отразившей изменения в психологическом понимании субъекта и субъективности, стала книга коллектива авторов «Изменяя субъекта: психология, социальная регуляция и субъективность», изданная в 1984 г. [29]. В книге, как и в других работах по критической психологии, последовавших за нею, были представлены попытки найти подходы к изучению того, как субъективность производится под действием социальных сил. Видную роль в конкретизации подобных путей поиска сыграл «поворот к языку» в психологии и социальных науках [4]. Критическая работа сосредоточилась боль-

² Обратим внимание, что в некоторых психологических источниках все-таки используется термин *субъективность* в похожем нашему пониманию значении. В статье В.Э. Чудновского дана характеристика проблемы субъективного как «проблемы целостной, не сводящейся к изучению отдельных психических процессов, психических свойств, состояний и даже качеств личности» [18, с. 16]. Ряд авторов разводят понятия *субъективности* и *субъектности*. Например, В.И. Слободчиков [15] употребляет понятие субъективности как синоним внутреннего мира, она представляет собой нечто вроде базовой категории, устанавливающей общий принцип существования человека; *субъектность* в контексте этой же статьи можно понимать как деятельно-преобразующий способ человеческого бытия. А.К. Осницкий [12] называет *субъективностью* целостную онтологическую характеристику человека, в то время как *субъектность*, будучи содержательно-действенной характеристикой активности, рассматривается им как одна из граней субъективности. На наш взгляд, проводимые упомянутыми авторами уточнения фундированы классическими представлениями о субъекте, без внимания к тем сдвигам, которые произошли в его понимании во второй половине XX в. в связи с работами Ж. Лакана, Л. Альтюссера, М. Фуко и др. Интересно, что Ф. Гонсалес Рей, владевший русским языком, кое-где явно прочитывает *субъектность* как *субъективность*. В контексте критической психологии русскоязычную *субъектность* можно трактовать как конструкцию субъекта, характерную для культуры Нового времени и капиталистического общества.

шей частью на анализе дискурсов и дискурсивных практик, позволяющих ухватить действие власти в процессе становления субъекта как в историческом, так и в актуальном социальном контексте. Однако излишний акцент на дискурсивном производстве субъективности в критической психологии привел к тому, что забытым оказался сам субъективный опыт, точка зрения от первого лица, тот факт, что человеку доступно нечто в нем самом и его жизни, что недоступно никому другому. В итоге субъективность предстала сверхсоциализированной и к тому же сведенной к языковым конструкциям. В этих условиях «десубъективации субъективности» С. Киршнер (S. Kirshner) напоминает о необходимости удерживать в поле зрения обе стороны субъективности, тем самым, возможно, сохраняя позицию дуализма индивидуального и социального: «Термин субъективность отсылает к взгляду на человека как существо, которое обладает точкой зрения от первого лица, которому свойственны чувства, переживания, которое страдает, сопротивляется, созидает, познает и при этом находится под воздействием формирующих его систем социальных значений и управления (governance), в которые оно всегда встроено и которые формируют его мысли, чувства и диспозиции действия и реагирования» [28, р. 137–138]. Разделяя в целом позицию С. Киршнер, мы, тем не менее, полагаем, что возвращение «истины» субъективности в эпоху «после Фуко» отнюдь не простая задача, и на практике это чревато опасностью возвращения к до-критическим исследованиям «внутреннего мира», когда вопросы его социального производства и погруженности в толщу языка просто не ставятся — как если бы у исследователей был непосредственный доступ к составляющим этот «внутренний мир» переживаниям и как если бы сами переживания существовали до языка и лишь выражались в нем. Переосмысление идей Л.С. Выготского, предпринятое Ф. Гонсалесом Реем, дает возможность не только удержать две стороны субъективности — субъективный опыт и встроенность в социальные структуры — и пересмотреть отношения субъективности и языка, но также продвинуться к построению психологической теории субъективности, описанию ее структуры и динамики.

Предпосылки теории субъективности в произведениях Л.С. Выготского

Ф. Гонсалес Рей артикулирует несколько важных идей Л.С. Выготского, которые, по мнению бразильского психолога, были недооценены в имеющихся западных и советских (российских) интерпретациях его наследия: положение о единстве интеллекта и

аффекта; акцент на эмоциональной стороне психической жизни и генеративном характере психики; поиск таких психических единиц, которые позволяют интегрировать когнитивные и аффективные процессы, а также переосмыслить отношения индивидуального и социального, внутреннего и внешнего [20; 22]. Нельзя сказать, что в советской и российской психологии этим идеям Выготского не уделялось внимания. Что действительно вызывает интерес в позиции Гонсалеса Рея, так это его обращение с обозначенными идеями: на наш взгляд, вектор размышлений Гонсалеса Рея соответствует мыслительной стилистике Выготского, в чем-то весьма близкой культуре русского авангарда³. Гонсалес Рей вдохновляет присутствующая мысли Выготского устремленность к новой психологии, к построению интегративной концепции человеческой психики как единой системы.

Хотя понятие субъективности не было ключевым в категориальном аппарате Выготского и редко им употреблялось, Гонсалес Рей показывает, что в его работах созданы все необходимые предпосылки для выделения субъективности как особой онтологической области [20; 22; 23; 26]. Действительно, специфический акцент на субъективной стороне психических процессов можно отследить в «Психологии искусства» [8] и ранних работах по дефектологии [9]. Выготский подчеркивает преобразующий характер психики — это очень ярко звучит, например, в его размышлениях о том, что психология слепого есть психология победы над слепотой [там же]: объективные условия (слепота) становятся психологической ситуацией только в результате преобразований — как следствие действия тех альтернатив, которые создаются человеком в борьбе со своей слепотой.

Обращаясь к поздним работам Л.С. Выготского, Ф. Гонсалес Рей отмечает, что в них он совершает ряд шагов к разработке представлений о человеческой психике как целостной системе [20; 22; 23]. В лекции «Воображение и его развитие в детском возрасте» [6] Выготский близко подходит к пониманию тесной взаимосвязи между воображением, мышлением и эмоциями и утверждает, что воображение необходимо рассматривать как сложную форму психической деятельности, которая объединяет в себе несколько процессов в их своеобразных отношениях. Однако, как полагает Гонсалес Рей, здесь Выготский не идет дальше — к определению нового качественного единства психики.

Наиболее обещающим в этой связи становится разработка Выготским понятия смысла. В отличие от многих традиционных категорий психологии, обозначающих конкретные особенности поведения, в которых, как предполагается, выражены те или иные психические паттерны, понятие смысла становится

³ [О произведениях Выготского как части культуры русского авангарда [см.: 17]. Безусловно, с самого начала Выготский в своей работе ориентировался на марксизм, который после Октябрьской революции служил главным философским источником для советской психологии. Как полагает Б.Е. Гройс, «... эстетический авангард оказывается в естественной близости к революционной идеологии типа марксистской, так же требующей перехода от описания мира к его переделке... В результате получается единый художественно-политическо-космологический проект преобразования мира» [10, с. 69].

аналитическим инструментом, позволяющим схватывать сложную динамику психических процессов в их субъективных индивидуальных конфигурациях. Ф. Гонсалес Рей подчеркивает эвристический потенциал понятия «смысл» для продвижения к пониманию не только единства интеллекта и аффекта, но и диалектического синтеза внешних и внутренних процессов. В «Мышлении и речи», со ссылкой на Ф. Полана Выготский пишет: смысл слова «... представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл слова, таким образом, оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи, и притом зона наиболее устойчивая, унифицированная и точная» [7, с. 323]. С точки зрения Гонсалеса Рея [21], именно здесь Выготский впервые определяет категорию, способную отразить объединенные «усилия» различных психических процессов, присутствующие в каждом конкретном выражении человека. Далее, снова со ссылкой на Полана, Выготский замечает: «Слово есть неисчерпаемый источник новых проблем. Смысл слова никогда не является полным. В конечном счете он упирается в понимание мира и во внутреннее строение личности в целом» [7, с. 324]. Можно согласиться с Гонсалесом Реем [21], что, обращаясь к личности в попытках определить смысл, Выготский приглашает читателя в поле психологии в гораздо большей мере, нежели это делает Полан. Постулирование тесной связи смысла и личности можно трактовать как наиболее важный шаг к пониманию смысла как психологической единицы. Однако, в очередной раз, Выготский не идет дальше — к окончательному переформулированию психологических категорий на основе понятия «смысл» и не анализирует возможные последствия этого понятия для переосмысления предметной области психологии. Разработка темы смысла остается у Выготского незавершенной, и, как предполагает Гонсалес Рей, возможно, Выготский сам не до конца осознал потенциал этого понятия для развития психологии⁴.

Еще одной важной темой Л.С. Выготского, на которую обращает внимание Ф. Гонсалес Рей, является введение им понятия социальной ситуации развития и связанные с ним размышления о переживании. Описывая, как окружение влияет на ребенка, Выготский прибегает к термину «переживание», которое по контексту очень близко динамической системе смыслов. Вслед за Л.И. Божович [1], Ф. Гонсалес Рей подчеркивает, что социальная ситуация развития не является предзаданной, это всегда результат отношений внешних условий и личности ребенка, и психологической единицей, раскрывающей единство

ситуационных и личностных характеристик, является переживание [21]. В очередной раз в контексте разработки концепции психики как сложной, динамической системы возникает представление о возможной психологической единице — переживании, но, как и понятие смысла, оно остается незавершенным. Ф. Гонсалес Рей обращает внимание на то, что и смысл, и переживание у Выготского нельзя понимать как некие «сущности», — это те единицы, чье содержание всякий раз определяется текущим опытом субъекта. Оба понятия указывают на актуальность темы эмоций для понимания человеческой психики и в конечном счете открывают прямой путь к концептуализации субъективности как динамической системы *символическо-эмоциональных конфигураций*.

Субъективность и новая онтология психологической науки

Основными понятиями теории Ф. Гонсалеса Рея являются *субъективность*, *субъективный смысл* и *субъективная конфигурация*. Как правило, в его работах все они описываются посредством отсылки друг к другу, что, безусловно, создает сложности в случае необходимости дать их определение. В связи с каждым из понятий Гонсалес Рей подчеркивает, что ими обозначаются динамические образования, интегрирующие в себе эмоции и символические процессы. «Субъективность охватывает те символическо-эмоциональные процессы (субъективные смыслы) и образования (субъективные конфигурации), которые, приобретая по мере развертывания жизненного опыта способность к генерации, дают возможность появиться отдельным лицам, группам и институтам как субъектам человеческих практик» [27, р. 375]. Обратим внимание на то, что субъективность — качество, которое может быть отнесено не только к отдельным людям, но и к социальным институтам: Ф. Гонсалес Рей пишет об индивидуальной и социальной субъективности, а также о субъективности диалога, о чем мы еще скажем ниже. Субъективные смыслы, складывающиеся в более общие образования — субъективные конфигурации, можно рассматривать в качестве единиц субъективности — тех ее «молекул», которые обладают свойствами целого. Таким образом, в анализе субъективных смыслов реализуется открытая Выготским стратегия анализа по единицам. Субъективный смысл определяется Гонсалесом Реем как единство, воплощающее в себе динамику отношений между эмоциями и символическими процессами, в которых одно возникает как результат другого, и *vice versa*, не будучи его причиной [22]. В отличие от текучих, меняющихся смыслов, субъективные конфигурации достаточно стабильные образования, позволяющие понять,

⁴ Похожие мысли высказывал и А.А. Леонтьев [31], по мнению которого, у Л.С. Выготского имплицитно присутствуют представления о динамической системе смыслов. Система включает в себя мотивационную (аффективную) сторону, так же как и волю, динамику действия и динамику мышления. Подобно Ф. Гонсалесу Рею, А.А. Леонтьев полагает, что проживи Выготский еще хотя бы несколько лет, он, безусловно, сосредоточился бы именно на ее анализе.

как окружение человека и его история становятся центральными элементами его текущего опыта [Ibid.]. Таким образом, субъективные конфигурации являются чем-то вроде отложений, седиментаций в потоке непрерывно меняющихся субъективных смыслов, хотя, безусловно, сами тоже открыты изменениям.

Можно сказать, что у Гонсалеса Рея субъективность не исчерпывается психикой и не может быть к ней сведена. Скорее, она представляет собой то новое качество, которое надстраивается над психикой или, возможно, пронизывает всю психику. В свете идей Гонсалеса Рея, продолжающего в этом пункте движение мысли Выготского, смыслы и переживания не могут быть исследованы так же, как исследуются все остальные объекты психологии. Хотя в советской психологии исследования смысла и переживания после Выготского были продолжены, доминирующей оказалась традиция их понимания как еще одного объекта наряду с другими, так что можно утверждать, что характерная для психологии метафора «психики как контейнера» не была преодолена и советскими авторами, несмотря на ту новую линию размышления, которую открыл Выготский. Смысл и переживание стали фигурировать в качестве объектов психологического интереса наряду с другими объектами — когнитивными процессами, эмоциями, воображением, чертами личности и т. п. В то время как, понимаемые в качестве единиц анализа, они должны быть использованы так, чтобы перестроить всю систему понятий и представлений о психическом. Мышление, память, эмоция, воображение связываются друг с другом внутри субъективной конфигурации, получают особую окраску благодаря пронизывающим их смыслам, которые сами протекают из этой субъективной конфигурации. Будучи частью субъективной конфигурации, любая психическая реальность становится новой субъективной единицей функционирования [22; 23; 25].

Субъективность обладает качеством генеративности. Размышления Выготского о взаимоотношениях между внутренней и внешней речью, о единстве интеллекта и аффекта становятся для Гонсалеса Рея стартовой точкой для развертывания им собственного понимания смыслов-переживаний как моментов перехода между чувствованием и символизацией, рождающихся на пересечении чувствования и символизации⁵. Гонсалес Рей пишет, что субъективные смыслы — это «снимки» символических эмоциональных всплесков, развертывающихся в хаотическом движении, из которого и возникают субъективные конфигурации — саморегулирующаяся и самопорождающаяся организация субъективных смыслов [22, p. 28].

Как уже было отмечено, обрисовываемая Гонсалесом Реем перспектива рассмотрения субъективности позволяет избежать тенденции исследовать индивида как оторванную от социума, изолированную сущность, в то же время не впадая в социальный редукционизм тех подходов в психологии, в которых человек

оказывается полностью сведенным к социальным структурам. У Гонсалеса Рея социальное и индивидуальное понимаются как тесно переплетенные между собой, но не сводимые друг к другу и не поглощающие друг друга реальности. И социальное, и индивидуальное разделяют друг с другом субъективный характер. Субъективность, по Гонсалесу Рею, открывает новую область исследования человеческих феноменов — будь то на социальном или индивидуальном уровнях. Несмотря на свою связь с психическими процессами, субъективность выходит за пределы области собственно психического и становится характеристикой всех человеческих процессов и отношений, в том числе происходящих на социальном уровне [22; 27]. Будучи живыми системами субъективных смыслов, социальная и индивидуальная субъективность взаимодействуют друг с другом, порождая новые субъективные конфигурации на каждом из уровней. Например, гендер будет определяться не структурными особенностями, задающими силовые линии «работы» культуры по его производству, а переплетающимися течениями субъективных смыслов внутри субъективной конфигурации. Индивидуальное переживание гендера будет зависеть от целой сети субъективных смыслов, рождающихся во взаимодействии с множеством других социальных символических конструкций (расы, класса, статуса здоровья, а также религиозных, моральных, политических представлений), в которых человек себя обнаруживает. Гонсалес Рей подчеркивает, что социальные субъективные смыслы не есть некие «абстракции, дрейфующие где-то над индивидами», — это живые субъективные процессы, происходящие внутри сетей социальных связей [22]. Понятия социальной субъективности и социальных смыслов позволяют мыслить социальные структуры, организации, объединения как символические пространства, находящиеся в постоянном движении, полные противоречий и борьбы за значение. И они всегда включают в себя индивидуальных субъектов — с их собственной сингулярной субъективностью. По Гонсалесу Рею, функционирование дискурсов, социальных представлений, скриптов, сценариев, мастер-нарративов и т. п. символических систем, задающих, согласно критическим психологам, социальный порядок, будет зависеть от того, каким образом все они субъективно конфигурируются — индивидами, группами, социальными сетями, институтами [22; 23; 25].

Качественная эпистемология и конструктивно-интерпретативная методология

Согласно Ф. Гонсалесу Рею, разрабатываемая теория должна включать в себя три аспекта — онтологический (представления о природе исследуемого объекта), эпистемологический (общие принципы его

⁵ Есть некоторое сходство между тем, как Ф. Гонсалес Рей описывает субъективный смысл, и представлением о смысле-переживании (felt sense) у феноменологов [35]. Впрочем, этот вопрос требует специального анализа.

исследования) и методологический (представления об исследовательских стратегиях и методах) [24]. Гонсалес Рей полагает, что позитивизм и критический реализм (в духе К. Поппера), на которые преимущественно ориентировалась и продолжает ориентироваться советская (российская) психология, не отвечают ей же разрабатываемым онтологическим представлениям. То, что, по мнению Гонсалеса Рея, должно быть теперь транспортировано в культурно-историческую психологию, — это качественная эпистемология с ее принципами интерпретативного познания, нацеленности на исследование смысловой структуры (и тексты) переживания и опыта, обобщения посредством теоретизирования на материале небольшого числа случаев и др. [3].

Предлагаемую им исследовательскую стратегию Ф. Гонсалес Рей называет конструктивно-интерпретативной методологией [24]. Он проводит различие между нею и теми типами методологий, которые получили приоритет в области современных качественных исследований — феноменологическим методом, психоаналитической интерпретацией, стратегиями и методами дискурс-анализа. Однако, на наш взгляд, его вариант исследовательской методологии, хотя и значительно отличается от сравниваемого с ним описательного феноменологического психологического метода А. Джорджи, тем не менее, очень близок другой — интерпретативной — традиции в феноменологии и, в частности, методу экзистенциальной герменевтической феноменологии [35].

Обозначим наиболее важные, на наш взгляд, положения конструктивно-интерпретативной методологии, на основе которой сегодня проводится множество исследований в бразильской школе культурно-исторической психологии [25; 27].

1. В свете представлений Ф. Гонсалеса Рея можно заключить, что смыслы и смысловые конфигурации никогда не появляются в готовом виде в языке, поведении, взаимодействии; они всегда представляют собой момент движения, становления, а потому к ним можно приблизиться лишь посредством собственного смыслового движения со стороны исследователя — непрямым путем, посредством конструирования интерпретаций.

2. Субъективные смыслы и субъективные конфигурации всегда *сингулярны* [26]. Похожие выражения (речь, поведение, симптомы, опыт) могут быть частью совершенно различных субъективных конфигураций, поэтому индуктивные обобщения, основанные на повторении, должны уступить место обобщениям посредством теоретизаций на основе углубленного исследования случаев.

3. Ф. Гонсалес Рей замечает, что сингулярное обычно неверно отождествляется с уникальным [Ibid]. В действительности же сингулярное всегда теоретически опосредовано — оно получает смысл благодаря теоретическим моделям и теоретическому конструированию исследователя. Будучи включенным в теоретическую конструкцию, сингулярное теряет свою уникальность и приобретает черты обобщающей модели.

4. Согласно Ф. Гонсалесу Рею, в перспективе культурно-исторической психологии человеческий опыт не может быть сведен к связям между отдельными переменными. Например, исследуя трудности в обучении как субъективную конфигурацию, необходимо понять, как различные типы опыта, вроде бы не имеющие непосредственного отношения к обучению и связанные с семьей, гендером, классом, социальным статусом и др., теснейшим образом переплетаются в этой субъективной конфигурации, относящейся к чувствам, поведению, позициям в обучении. Для исследователя важны не сами по себе характеристики семьи, положения в детском коллективе и т. п., а то, как они переживаются, будучи включенными в субъективную конфигурацию текущего опыта ребенка — эта конфигурация и есть «микрокосмос детской жизни».

5. Наконец, субъективность не может быть исследована посредством инструментальных процедур по типу опросников, нацеленных на получение конкретных, однозначных результатов. Основным методологическим инструментом исследования субъективности является *диалог*, который понимается Ф. Гонсалесом Реем как *субъективная система*, а не просто система отношений, как у сторонников социоконструкционистского и феноменологического направлений (К. Гегена, Дж. Шоттера, А. Джорджи). Диалог сам обладает субъективной конфигурацией. Субъективные конфигурации участников диалога переплетаются с субъективной конфигурацией диалогического взаимодействия, так что они как будто начинают конфигурировать друг друга. Исследование, по Гонсалесу Рею, представляет собой диалектический процесс разворачивания диалога, с его непредсказуемыми ходами, и теоретического конструирования, заключающегося в связывании воедино отдельных догадок, которые возникают у исследователя в процессе диалога. Диалог позволяет продвигать процесс теоретического конструирования, открывая возможности провокаций, рефлексии, критики. В целом, процесс исследования описывается Гонсалесом Реем как отношения диалого-теоретического конструирования [22; 24].

Заметим, что Ф. Гонсалес Рей обосновывает невозможность отрыва теоретических представлений о предмете от их эпистемологических следствий. Теоретические понятия всегда имплицитно содержат в себе эпистемологическую программу их исследования, психологи же не ставят перед собой задачи ее эксплицирования лишь в силу своего наивного эмпиризма.

Заключение

В статье мы раскрыли основные идеи теории субъективности Ф. Гонсалеса Рея и попытались показать, что бразильский психолог открывает интересную перспективу развития культурно-исторической психологии в ее диалоге с критической психологией, а

также теоретическими направлениями и подходами, фундирующими область современных качественных исследований. Идеи Гонсалеса Рея, безусловно, укоренены в традиции советской психологии, и при этом, как мы полагаем, их формулирование оказалось возможным благодаря «голосам», пришедшим из других традиций.

Поворот к субъективности, осуществленный Ф. Гонсалесом Реем, можно рассматривать как продолжение ряда идей Л.С. Выготского. Однако необходимо подчеркнуть, что хотя Выготский действительно является для Гонсалеса Рея ключевым автором, в своих текстах он ведет диалог с очень многими отечественными психологами, в том числе современными. Это не вошло в наш текст лишь ввиду требуемых ограничений объема статьи.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.
2. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994. 109 с.
3. Бусыгина Н.П. Качественная методология в психологии: исторические этапы и современное состояние // Журнал практического психолога. Специальный выпуск: Качественная методология в психологии. 2013. № 4. С. 10–30.
4. Бусыгина Н.П. Понимающая психотерапия Ф.Е. Василюка и поворот к языку в психологии и социальных науках // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 19. № 1. С. 15–24. doi:10.17759/chp.2019150102
5. Бусыгина Н.П. Субъект в формациях знания и власти: вариации критических исследований в психологии [Электронный ресурс] // История и философия науки в эпоху перемен: сб. научных статей / Под ред. И.Т. Касавина и др.: в 6 т. Т. 3. М.: Русское Общество истории и философии науки, 2018. С. 87–89. URL: <http://rshps.ru/books/congress2018t3.pdf> (дата обращения: 10.01.20).
6. Выготский Л.С. Воображение и его развитие в детском возрасте // Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. С. 46–54.
7. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
8. Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 408 с.
9. Выготский Л.С. Слепой ребенок // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. С. 86–100.
10. Гройс Б.Е. Русский авангард по обе стороны «черного квадрата» // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 67–73.
11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
12. Осницкий А.К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Часть 1 [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 5(7). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/221-osnitsky7.html> (дата обращения: 10.01.20).
13. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 512 с.
14. Подорога В.А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть: Очерки современной

В заключение отметим, что в большинстве работ, которые нам удалось прочитать, Ф. Гонсалес Рей предпочитает тип «темного», метафорического письма. Такая особенность изложения вначале была воспринята нами как недостаток. Однако по мере знакомства с его идеями мы поняли, что подобный стиль письма, возможно, является выражением поиска языка, в котором были бы преодолены кажущиеся естественными дихотомии: индивид/общество, психическое/социальное, структура/действие, внешнее/внутреннее. В представлениях Гонсалеса Рея немало противоречий, но мы думаем, их нельзя разрешать, возвращаясь на уже пройденные позиции мышления. По отношению к его работам нужен тот же подход, о котором он говорил применительно к Выготскому: двигаться вместе с Гонсалесом Реем за его пределы.

References

1. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [The personality and its formation in child age]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 398 p.
2. Brushlinskii A.V. Problemy psikhologii sub"ekta [Problems of psychology of the subject]. Moscow: Institut psikhologii RAN [Institute of Psychology RAS], 1994. 109 p.
3. Busygina N.P. Kachestvennaya metodologiya v psikhologii: istoricheskie etapy i sovremennoe sostoyanie [Qualitative methodology in psychology: historical stages and the state-of-the-art]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa. Special'nyi vypusk: Kachestvennaya metodologiya v psikhologii [Journal of practical psychologist. Special volume: Qualitative methodology in psychology]*, 2013, no. 4, pp. 10–30.
4. Busygina N.P. Ponimayushchaya psikhoterapiya F.E. Vasilyuka i povorot k yazyku v psikhologii i sotsial'nykh naukakh [Co-experiencing psychotherapy of F.E. Vasilyuk and a turn to language in psychology and social sciences]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2019. Vol. 19, no. 1, pp. 15–24. doi:10.17759/chp.2019150102 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Busygina N.P. Sub"ekt v formatsiyakh znaniya i vlasti: variatsii kriticheskikh issledovaniy v psikhologii [Subject in the formations of knowledge and power: types of critical research in psychology]. In Kasavin I.T., et al. (eds.), *Istoriya i filosofiya nauki v epokhu peremen: sb. nauchnykh statei: v 6 t. T. 3 [Elektronnyi resurs] [History and philosophy of science in an era of change: collection of articles: in 6 vol. Vol. 3]*. Moscow: Russkoe Obshhestvo istorii i filosofii nauki [Russian Society of history and philosophy of science], 2018, pp. 87–89. Available at: <http://rshps.ru/books/congress2018t3.pdf> (Accessed: 10.01.20).
6. Vygotskii L.S. Voobrazhenie i ego razvitie v detskom vozraste [Imagination and its development in childhood]. In Vygotskii L.S. *Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of human development]*. Moscow: Smysl; Eksmo, 2005, pp. 46–54.
7. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and speech]. Moscow: Labirint, 1999, 352 p.
8. Vygotskii L.S. Psikhologiya iskusstva [Psychology of art]. Rostov-on-Don: Feniks, 1998, 498 p.
9. Vygotskii L.S. Slepoy rebenok [Blind child]. In Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 5. Osnovy defektologii [Collected works: in 6 vol. Vol. 5. Basics of defectology]*. Moscow: Pedagogika, 1983, pp. 86–100.
10. Grois B.E. Russkii avangard po obe storony "chernogo kvadrata" [Russian avant-garde on both sides of the "black

- политической философии Запада / Отв. ред. В.В. Мшвениерадзе. М.: Наука, 1989. С. 206–255.
15. Слободчиков В.И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. 1986. № 6. С. 14–22.
16. Толстых Н.Н. Теория Л.И. Божович: личность, психика, индивидуальность // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 85–90. doi:10.17759/chp.2019150210
17. Чубаров И.М. Структуры коллективной чувственности в русском левом авангарде: искусство и социальный проект: дисс. ... д-ра филос. наук. М., 2014. 486 с.
18. Чудновский В.Э. Проблема субъективности в свете современных задач психологии воспитания // Вопросы психологии. 1988. № 4. С. 15–24.
19. González Rey F. A dialog with Holzkamp on the matter of subjectivity [Электронный ресурс] // Annual Review of Critical Psychology. 2019. Vol. 16. P. 80–101. URL: <https://thediscourseunit.files.wordpress.com/2019/12/0080.pdf> (дата обращения: 10.01.20).
20. González Rey F. A re-examination of defining moments in Vygotsky's work and their implications for his continuing legacy // Mind, Culture & Activity. 2011. Vol. 18(3). P. 257–275. doi:10.1080/10749030903338517
21. González Rey F. Historical relevance of Vygotsky's work: It's significance for a new approach to the problem of subjectivity in psychology [Электронный ресурс] // Outlines: Critical Practice Studies. 2009. № 1. P. 59–73. URL: <https://tidsskrift.dk/outlines/article/view/2589> (дата обращения: 10.01.20).
22. González Rey F. Subjectivity as a new theoretical, epistemological and methodological pathway within cultural-historical psychology // González Rey F. et al. (eds.) Subjectivity in Cultural-Historical Approach: Theory, Methodology and Research. Singapore: Springer, 2019. P. 21–36. doi:10.1007/978-981-13-3155-8_2
23. González Rey F. The topic of subjectivity in psychology: Contradictions, paths and new alternatives // Journal for the Theory of Social Behavior. 2017. Vol. 47(4). P. 502–521. doi:10.1111/jtsb.12144
24. González Rey F., Mitjans Martínez A. The constructive-interpretative methodological approach: orienting research and practice on the basis of subjectivity // Subjectivity in Cultural-Historical Approach: Theory, Methodology and Research / González Rey F. et al. (eds.). Singapore: Springer, 2019. P. 37–60. doi:10.1007/978-981-13-3155-8_3
25. González Rey F. et al. (eds.) Subjectivity in Cultural-Historical Approach: Theory, Methodology and Research. Singapore: Springer, 2019. 273 p. doi:10.1007/978-981-13-3155-8
26. González Rey F. et al. The topic of subjectivity within cultural-historical approach: where it has advanced from and where it is advancing to // Subjectivity in Cultural-Historical Approach: Theory, Methodology and Research / González Rey F. et al. (eds.). Singapore: Springer, 2019. P. 3–20. doi:10.1007/978-981-13-3155-8_1
27. Goulart D.M., González Rey F. Mental health care and educational actions: from institutional exclusion to subjective development // European Journal of Psychotherapy & Counselling. 2016. Vol. 18(4). P. 367–383. doi:10.1080/13642537.2016.1260617
28. Kirschner S.R. The indispensable subject of psychology: theory, subjectivity and the specter of inner life // Re-envisioning Theoretical Psychology: Diverging Ideas and Practices / Teo T. (ed.). Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. P. 131–159. doi:10.1007/978-3-030-16762-2_6
- square”]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 1990, no. 11, pp. 67–73.
11. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975, 304 p.
12. Osnitskii A.K. Reguljatornyi opyt, sub"ektnaya aktivnost' i samostoyatel'nost' cheloveka [Regulatory experience, subjective activity and person's independence]. Part 1 [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 2009, no. 5(7). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/221-osnitsky7.html> (Accessed: 10.01.20).
13. Petrovskii V.A. Lichnost' v psikhologii: paradigma sub"ektnosti [Personality in psychology: paradigm of subjectivity]. Rostov-on-Don: Feniks, 1996, 512 p.
14. Podoroga V.A. Vlast' i poznanie (arkheologicheskii poisk M. Fuko) [Power and knowledge (archeological study of M. Foucault)]. In Mshvenieradze V.V. (ed.), *Vlast': Oчерki sovremennoi politicheskoi filosofii Zapada* [Power: Essays on contemporary western political philosophy]. Moscow, 1989, pp. 206–255.
15. Slobodchikov V.I. Psikhologicheskie problemy stanovleniya vnutrennego mira cheloveka [Psychological issues of human inner world development]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology], 1986, no. 6, pp. 14–22.
16. Tolstykh N.N. Teoriya L.I. Bozhovich: lichnost', psikhika, individual'nost' [Theory of L.I. Bozhovich: personality, psyche, individuality]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 85–90. doi:10.17759/chp.2019150210 (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Chubarov I.M. Struktury kollektivnoi chuvstvennosti v russkom levom avangarde: iskusstvo i social'nyi proekt [Structures of collective sensuality in Russian left avant-garde: art and social project. Dr. Sci. (Philosophy) diss.]. Moscow, 2014. 486 p.
18. Chudnovskii V.E. Problema sub"ektivnosti v svete sovremennykh zadach psikhologii vospitaniya [The issue of subjectivity in the light of modern tasks of psychology of education]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology], 1988, no. 4, pp. 15–24.
19. González Rey F. A dialog with Holzkamp on the matter of subjectivity. *Annual Review of Critical Psychology*, 2019. Vol. 16, pp. 80–101. Available at: <https://thediscourseunit.files.wordpress.com/2019/12/0080.pdf> (Accessed: 10.01.20).
20. González Rey F. A re-examination of defining moments in Vygotsky's work and their implications for his continuing legacy. *Mind, Culture & Activity*, 2011. Vol. 18(3), pp. 257–275. doi:10.1080/10749030903338517
21. González Rey F. Historical relevance of Vygotsky's work: It's significance for a new approach to the problem of subjectivity in psychology. *Outlines: Critical Practice Studies*, 2009, no. 1, pp. 59–73. Available at: <https://tidsskrift.dk/outlines/article/view/2589> (Accessed: 10.01.20).
22. González Rey F. Subjectivity as a new theoretical, epistemological and methodological pathway within cultural-historical psychology. In González Rey, et al. (eds.), *Subjectivity in Cultural-Historical Approach: Theory, Methodology and Research*. Singapore: Springer, 2019, pp. 21–36. doi:10.1007/978-981-13-3155-8_2
23. González Rey F. The topic of subjectivity in psychology: Contradictions, paths and new alternatives. *Journal for the Theory of Social Behavior*, 2017. Vol. 47(4), pp. 502–521. doi:10.1111/jtsb.12144
24. Gonzalez Rey F., Mitjans Martínez A. The constructive-interpretative methodological approach: orienting research and practice on the basis of subjectivity. In González Rey F., et

29. *Henriques J. et al.* Changing the Subject: Psychology, Social Regulation and Subjectivity. London: Methuen, 1984. 376 p.
30. *Hook D.* Foucault, Psychology and the Analytics of Power. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 301 p. doi:10.1057/9780230592322
31. *Leontiev A.A.* ECCE HOMO. Methodological problems of the activity theoretical approach // Multidisciplinary Newsletter for Activity Theory. 1992. № 11(12). P. 41–44.
32. *Parker I.* (ed.) Handbook of Critical Psychology. N.Y.: Routledge, 2015. 477 p.
33. *Teo T.* From psychological science to the psychological humanities: Building a general theory of subjectivity // Review of General Psychology. 2017. Vol. 21(4). P. 281–291. doi:10.1037/gpr0000132
34. *Walkerdine V.* Subjectivity, overview // Encyclopedia of Critical Psychology / Teo T. (ed.). N.Y.: Springer, 2014. P. 1880–1883. doi:10.1007/978-1-4614-5583-7_596
35. *Willig C., Billin A.* Existentialist-informed hermeneutic phenomenology // Qualitative Research Methods in Mental Health and Psychotherapy / Harper D., Thompson A.R. (eds.). Wiley-Blackwell, 2012. P. 117–130. doi:10.1002/9781119973249.ch9
- al. (eds.), *Subjectivity in Cultural-Historical Approach: Theory, Methodology and Research*. Singapore: Springer, 2019, pp. 37–60. doi:10.1007/978-981-13-3155-8_3
25. *González Rey F., et al.* (eds.), Subjectivity in Cultural-Historical Approach: Theory, Methodology and Research. Singapore: Springer, 2019. 273 p. doi:10.1007/978-981-13-3155-8
26. *González Rey F., et al.* The topic of subjectivity within cultural-historical approach: where it has advanced from and where it is advancing to. In *González Rey F., et al.* (eds.), *Subjectivity in Cultural-Historical Approach: Theory, Methodology and Research*. Singapore: Springer, 2019, pp. 3–20. doi:10.1007/978-981-13-3155-8_1
27. *Goulart D.M., González Rey F.* Mental health care and educational actions: from institutional exclusion to subjective development. *European Journal of Psychotherapy & Counselling*, 2016. Vol. 18 (4), pp. 367–383. doi:10.1080/13642537.2016.1260617
28. *Kirschner S.R.* The indispensable subject of psychology: theory, subjectivity and the specter of inner life. In *Teo T.* (ed.), *Re-envisioning Theoretical Psychology: Diverging Ideas and Practices*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019, pp. 131–159. doi:10.1007/978-3-030-16762-2_6
29. *Henriques J., et al.* Changing the Subject: Psychology, Social Regulation and Subjectivity. London: Methuen, 1984. 376 p.
30. *Hook D.* Foucault, Psychology and the Analytics of Power. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 301 p. doi:10.1057/9780230592322
31. *Leontiev A.A.* ECCE HOMO. Methodological problems of the activity theoretical approach. *Multidisciplinary Newsletter for Activity Theory*, 1992, no. 11 (12), pp. 41–44.
32. *Parker I.* (ed.), Handbook of Critical Psychology. New York: Routledge, 2015. 477 p.
33. *Teo T.* From psychological science to the psychological humanities: Building a general theory of subjectivity. *Review of General Psychology*, 2017. Vol. 21 (4), pp. 281–291. doi:10.1037/gpr0000132
34. *Walkerdine V.* Subjectivity, overview. In *Teo T.* (Ed.), *Encyclopedia of Critical Psychology*. New York: Springer, 2014, pp. 1880–1883. doi:10.1007/978-1-4614-5583-7_596
35. *Willig C., Billin A.* Existentialist-informed hermeneutic phenomenology. In *Harper D., Thompson A.R.* (eds.), *Qualitative Research Methods in Mental Health and Psychotherapy*. Wiley-Blackwell, 2012, pp. 117–130. doi:10.1002/9781119973249.ch9

Информация об авторах

Бусыгина Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Ярошевская Светлана Викторовна, младший научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ ИПИ РАО), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1906-3725>, e-mail: yaroshevskaya@yandex.ru

Information about the authors

Busygina Natalia Petrovna, PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Yaroshevskaya Svetlana Viktorovna, Research Fellow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1906-3725>, e-mail: yaroshevskaya@yandex.ru

Получена 20.01.2020

Принята в печать 03.03.2020

Received 20.01.2020

Accepted 03.03.2020